Содержание

Вступление……..4

Иван и Просковья Анненковы……..5

Федор и Анна Достоевские……11

Александр Грибоедов и Нина Чавчавадзе……17

Иван и Паня Оськины……..21

Памятники, посвященные семье, родителям и детям……25

Вступление

15 мая, во всём мире отмечается замечательный праздник — Международный день семей. А 8 июля в нашей стране мы празднуем День семьи, любви и верности. Оба они посвящены семье и удивительным взаимоотношениям людей, которые решили идти по жизни вместе, беречь и уважать друг друга, поддерживать во всём и помогать. Однако русский праздник в отличие от международного имеет давнюю историю. Каковы же его истоки?

Эта история берёт начало в глубине веков. Давным-давно простая деревенская девушка спасла жизнь муромскому князю, стала его спутницей, сподвижницей и сохранила верность любимому до конца своих дней. Прожили супруги вместе долго и счастливо. А после смерти были провозглашены небесными покровителями земной любви и семьи.

Речь идёт о православных святых Петре и Февронии. Испокон веков 8 июля на Руси вспоминали святую пару, но в советские времена эта традиция была забыта. А в 2008 г. праздник возродился и стал отмечаться по всей России.

Для создания семьи достаточно полюбить. А для сохранения её нужно научиться терпеть, прощать и понимать!

Знаменитые семейные пары

ИВАН И ПРАСКОВЬЯ АННЕНКОВЫ

П. Е. Анненкова (Гёбль)

Полина Гёбль, а впоследствии Прасковья Егоровна Анненкова, родилась 9 июня 1800 г. в семье французских дворян недалеко от города Нанси. После смерти Жоржа, отца девочки, её мать осталась вдовой с четырьмя детьми на руках и без средств к существованию. Измотанная нищетой, бедная женщина решила подать прошение о помощи Наполеону.

Но этого не потребовалось. Во время пребывания императора в Нанси Полина увидела, как он садился в карету. Девочка решительно подошла к нему и выпалила: «Я дочь вашего офицера, погибшего в Испании, и я сирота. Соблаговолите оказать помощь семье человека, отдавшего за вас жизнь!»

Удивлённый и восхищённый смелостью девочки Наполеон прислал вдове Жоржа Гёбля единовременное пособие, а затем назначил немаленькую пенсию. Семья впервые за многие годы зажила безбедно. Но когда к власти во Франции вернулись Бурбоны, выплаты были прекращены. Полине и её сестре пришлось зарабатывать на хлеб рукоделием, а когда нашей героине исполнилось 17 лет, она стала продавщицей одежды в одном из модных домов Парижа.

А между тем до её бракосочетания с Иваном Анненковым оставалось 10 лет...

И. А. Анненков

Иван Александрович Анненков, будущий декабрист, тоже рано лишился отца. Произошло это печальное событие, когда мальчику было пять лет. Но, в отличие от матери Полины, его мать Анна Ивановна Анненкова была обладательницей огромного состояния.

Красивый, отважный и к тому же богатый Анненков блистал среди золотой молодёжи того времени. За ним закрепилась слава прекрасного танцора и удачливого дуэлянта. В то же время в кругу, где вращался Иван Александрович, был чрезвычайно высок авторитет боевых офицеров, таких как С. Г. Волконский или С. П. Трубецкой. Неслучайно Анненков вошёл в круг будущих декабристов.

Полина же в это время приехала в Россию вместе с парижским модным домом Дюманси, где в тот момент работала. В начале лета 1825 г. юная француженка и русский кавалергард впервые увидели друг друга. Анненков сопровождал дам, посетивших магазин одежды, в котором работала Полина. На следующий день он вновь пришёл в модный дом и обратился к Полине с просьбой переменить бант на одной из купленных шляп. А вечером прислал ей объяснение в любви.

Мать Анненкова не давала согласия на неравный брак. И хотя Полина мечтала выйти замуж за любимого человека, для этого ей пришлось бы входить в конфликт с собственными представлениями о порядочности, ссорить сына с матерью, идти под венец тайком. И потому на предложение Ивана Александровича она дважды ответила отказом.

Летом 1825 г. Полина уехала в Пензу, чтобы представлять на ярмарке товары модного дома Дюманси. Вскоре там

оказался и Анненков. Сговорившись со священником, влюблённый повёз Полину венчаться в одну из деревень — тайно, без материнского благословения. Девушка видела, что его благородство и любовь к ней борются с чувством сыновнего долга... и осталась Полиной Гёбль.

За время знакомства Иван успел оценить не только красоту и обаяние возлюбленной, но и её характер: твёрдый, самостоятельный. Полина была, пожалуй, единственной из декабристок, которая знала о готовящемся выступлении на Сенатской площади. Анненков не скрывал от девушки своего будущего: в лучшем случае его ждала крепость или Сибирь. Она отвечала: «Я последую за тобой повсюду».

Пара вернулась в Москву в ноябре невенчанными мужем и женой. 2 декабря 1825 г. Иван уехал в Петербург, а через 12 дней вышел на восстание.

14 декабря возлюбленный Полины был на Сенатской площади, но... по противоположную сторону от своих товарищей. Ранее на одном из совещаний декабристов он заявил, что видит в восстании большую ошибку. Спустя пять дней его арестовали. «По следствию, когда открылось, что Анненков и Муравьёв виновнее, чем думали прежде, то их перевели в Петропавловскую крепость. Виновны они были только разговорами», — писал Е. И. Якушкин в «Замечаниях на «Записки» А. М. Муравьёва».

Анненков, отговаривавший товарищей от восстания, молча, разделил их участь. Его приговорили к 20 годам каторжных работ.

Полина передала возлюбленному крест и записку со слова - ми верности: «Я пойду за тобою в Сибирь». В ночь после их встреч Ивана Александровича отправили в читинский острог, а 23 декабря 1827 г. туда же выехала Полина.

Что было дальше с декабристами и их женами вам должно быть хорошо известно. Но немногие имели возможность прочитать «Воспоминания Прасковьи Егоровны Анненков, урождённой Полины Гёбль.

Удивительно читать эти страницы: ни слова озлобления, против, описание постоянной и бескорыстной помощи от всех встреченных по пути. Встречаются здесь даже «забавности»: вот героиню спасает башкир, когда повозка в лесу опрокинулась, — ни он, ни она не говорят по-русски. Особенно потрясена Полина *была* отношением сибиряков к каторжникам: «Везде нас принимали, как будто мы проезжали через родственные страны; везде кормили людей отлично и, когда я спрашивала, сколько должна за них заплатить, ничего не хотели брать.

Люди, встреченные по пути, в воспоминаниях нашей героини необыкновенны своей добротой и пониманием, будь то крестьяне, служивые люди или бурятские князья. Не знавшая русского языка и «всецело подчинившись российским законам», она не раз загоняла лошадей и переворачивалась в повозках, тонула в ледяной воде на переправах, но упорно продвигалась к намеченной цели.

«Когда губернатор Иркутска Цейдлер прочёл мою подорожную, то не хотел верить, что я, женщина, смогла проехать от Москвы до Иркутска в 18 дней. Я приехала даже скорее, чем ездят обыкновенные фельдъегеря», – вспоминала Гёбль.

Первая читинская встреча с Иваном поразила Полину: «Он шёл в старом тулупе с разорванной подкладкой, с узелком белья, который он нёс под мышкой... Я сошла поспешно вниз, но один из солдат не дал нам поздороваться, он схватил Ивана Александровича за грудь и отбросил назад. У меня потемнело в глазах от негодования, я лишилась чувств...»

И только спустя несколько дней Полине удалось поговорить с возлюбленным. В своих воспоминаниях она так рассказывает о второй встрече: «Он был закован и с трудом носил свои кандалы, поддерживая их. Невозможно описать нашего первого свидания, той безумной радости, которой мы предались после долгой разлуки, позабыв всё горе и то ужасное положение, в котором находились в эти минуты. Я бросилась на колени и целовала его оковы...».

Через месяц, 4 апреля 1828 г., Полина Гёбль стала женой Ивана Анненкова и при венчании в Михайло-Архангельской острожной церкви приняла православное имя Прасковьи Егоровны Анненковой.

Ей помогали, и она поддерживала всех, кого могла, поскольку умела видеть добро и делать добро в тяжелейших условиях. Любовь являет себя миру не только в горячих признаниях и пышных букетах по праздникам. В случае с Иваном и Полиной чувство крепло целых полвека, прожитых ими вместе, и проявлялось в обыденных вещах.

Верная супруга вела обширное хозяйство и учила этому жён других декабристов. Посылала в острог свежее бельё и выращивала на тяжёлой читинской земле настоящие дыни. Она рожала 18 раз, оплакивала 12 крестов на детских могилах и поднимала на ноги оставшихся шестерых наследников. Милосердствовала, не завидовала, не раздражалась, не мыслила зла, не радовалась неправде, всё покрывала, всему верила и всё переносила...

До последних своих дней Прасковья Егоровна, по-прежнему весёлая и самоотверженная, ухаживала за суженым. Она умерла 4 сентября 1876 г. со спокойной улыбкой на постаревшем лице. Иван Александрович тяжело переживал потерю жены. Скончался он через год и четыре месяца после её

смерти и был похоронен в нижегородском Крестовоздвиженском монастыре, рядом со своей возлюбленной — женщиной, которая до последнего вдоха не снимала браслета и нательного крестика, отлитых из кандалов её мужа.

Любовь сообщила нашим героям совершенно иной масштаб личности. Бедная необразованная французская модистка стала сердцем общины родовитых русских дворян. Записной танцор и дуэлянт стал заботливым мужем и внимательным отцом, причём не, только для шести своих детей, но и для тысяч соотечественников. Любовь этих людей оказалась вечной, и в вечности она останется навсегда.

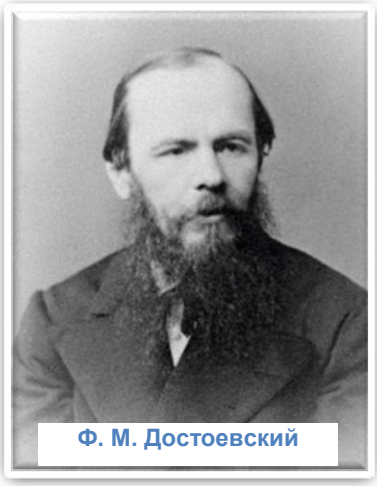
Памятник «Дворянской чете» в Нижнем Новгороде

Существует версия, что памятник «Дворянская чета» посвящен декабристу Ивану Александровичу Анненкову и его супруге - Прасковье Анненковой. После 30 лет, проведенных в сибирской ссылке, Анненкову позволено было поселиться в

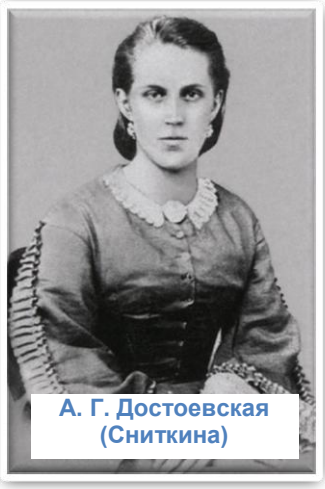
Нижнем Новгороде, где он вел активную жизнь, принимая деятельное участие в жизни города. За это он был пожалован званием почетного жителя.

Супружеская пара Анненковых стала символом любви и верности. Неспроста их история легла в основу сюжета романа Дюма "Учитель фехтования" - писатель был в Нижнем Новгороде в 1858 году и встречался там с Анненковым. Также любовь между супругами была отражена в фильме Владимира Мотыля "Звезда пленительного счастья" (там их сыграли Игорь Костолевский и Эва Шикульска).

ФЁДОР И АННА ДОСТОЕВСКИЕ


Ф. М. Достоевский

Книги Фёдора Михайловича Достоевского насыщены жгучей и страстной любовью. Их действие разворачивается в атмосфере напряжённой страсти. Между тем их автору долго не везло в любви. Неудачи на личном фронте преследовали Достоевского до тех пор, пока он не встретил Анну Сниткину. И эта последняя любовь стала счастьем его жизни.


А. Г. Достоевская (Сниткина)

В 44 года литератор решился на «эксцентрическую», по его словам, вещь: за 4 месяца написать сразу два романа — «Преступление и наказание» и «Игрок». Достоевский был редким трудоголиком, и для выполнения задуманного плана у него было всё: талант, желание и умение писать. Не хватало только стенографистки. Знакомые порекомендовали ему Анну Сниткину — лучшую ученицу курсов скорописи в Петербурге, дочь мелкого петербургского

чиновника.

Двадцатилетняя девушка в ожидании встречи с Фёдором Михайловичем провела ужасную ночь. Да и первое впечатление от общения оказалось довольно тягостным: «Показался он мне очень странным: каким-то разбитым, убитым, изнеможённым, больным...» Словом, перед Анной оказался немолодой человек, снедаемый недугами и заботами.

Он никак не мог запомнить её имя, всё время сбивался с мысли и переспрашивал. А потом вдруг выпалил в лицо новой знакомой: «Я был рад, когда Ольхин предложил мне девушку, а не мужчину, и знаете почему? <...> Да потому что мужчина уж, наверное, бы, запил, а вы, я надеюсь, не запьёте».

В течение последующих 26 дней, пока Достоевский надиктовывал Анне «Игрока», стенографистка успела влюбиться: при всех странностях характера Фёдора Михайловича гениальность его била, что называется, через край, и девушка не могла этого не почувствовать. Что же касается писателя, то ему оказалось неожиданно хорошо в обществе спокойной и рассудительной Анечки. Впервые в жизни рядом с ним оказалась не хищница, не мучительница, а готовая понять и сострадать душа, преданная помощница...

30 октября Анна закончила набор «Игрока» и последних страниц «Преступления и наказания». А 8 ноября произошло объяснение в любви. Достоевский сочинил целый рассказ о пожилом художнике, который встретил молодую девушку, и закончил эту историю следующими словами: «...Поставьте себя на минуту на её место... Представьте, что этот художник — я, что я признался вам в любви и просил быть моей женой. Скажите, что вы бы мне ответили?»

Лицо Фёдора Михайловича выражало небывалое смущение, невыразимую сердечную муку. Анна, наконец, всё поняла. Это

был не просто литературный разговор, и она нанесла бы страшный удар по самолюбию и гордости литератора, ответив уклончиво. «Я взглянула на столь дорогое мне, взволнованное лицо Фёдора Михайловича и сказала: «Я бы вам ответила, что люблю и буду любить всю жизнь», — вспоминала стенографистка.

Так Анна Сниткина, отнюдь не принадлежавшая к числу красавиц, зато умная и добрая, стала женой писателя. Их венчание состоялось в Троицком Измайловском соборе в Петербурге 15 февраля 1867 г.

Но счастье первых семейных дней закончилось быстро. Вскоре после скромной женитьбы неожиданно для Анны Григорьевны раскрылось, что её муж тяжело болен падучей болезнью, то есть эпилепсией. Через несколько месяцев после свадьбы скончался брат Достоевского Михаил, и всё его семейство во главе с безутешной вдовой Эмилией переехало жить к писателю.

Ситуация обострялась наличием крайне вредного пасынка Паши — сына первой жены Фёдора Михайловича. Семейный очаг превратился в балаган. Анна решила любыми путями спасти свой брак. И единственным выходом из сложного положения было увезти Достоевского подальше от назойливых приживал.

В своём дневнике женщина писала: «Чтобы спасти нашу любовь, необходимо хоть на два-три месяца уединиться... Я глубоко была убеждена, что тогда мы с мужем сойдёмся на всю жизнь, и никто нас более не разлучит. Но откуда нам взять денег на эту столь необходимую поездку? — раздумывала я, и вдруг одна мысль промелькнула у меня в голове: «А что, не пожертвовать ли мне ради поездки всем своим приданым?» Мой план — заложить все мои вещи».

Она отдала в залог новую мебель, рояль, меха, золотые и серебряные вещи, выигрышные билеты. И чета Достоевских отправилась в путешествие по Европе. Они уезжали на несколько месяцев, а вернулись только через четыре года. «За это время произошло много радостных событий в нашей жизни, и я буду вечно благодарить Бога, что он укрепил меня в моем желании уехать за границу. Там началась для нас с мужем новая, счастливая жизнь», — писала Анна.

Отчасти это было правдой. Только на пути к счастью им пришлось преодолеть многое: безденежье, нужду, болезнь и тяжёлый характер бывшего каторжника Достоевского, смерть трёхмесячного первенца 24 мая 1868 г. И поистине тяжёлым крестом для них стала страсть литератора к азартной игре. Фёдор Михайлович брал деньги из семейного бюджета, проигрывал, слёзно просил простить его, на следующий день всё повторялось заново…

Что бы ни случилось в супружеской жизни, Анна всегда находилась рядом с мужем, была его опорой, на все его проступки смотрела с улыбкой и пониманием. Ни тени упрёка или разочарования не увидел на её лице Фёдор Михайлович за четыре года на чужбине и только тогда понял, какое сокровище рядом с ним, и полюбил Анну всем сердцем: «Если б вы знали, что жена для меня теперь значит! Я её, люблю, и она говорит, что счастлива!»

А. Достоевская с детьми

И любовь превозмогала всё – даже пагубную страсть Достоевского к игре. Фанатичный игрок, глядя на свою святую жену, раз и навсегда бросил эту привычку.

Анна вернулась из Европы другим человек уверенной в себе, счастливой женщиной, матерью двоих детей –| дочери Любы и сына Феди. Она стала вести все финансовые дела мужа, причём делала это столь блестяще, что Достоевскому наконец-то удалось выплатить все свои долги. Она была для писателя всем: издателем, банкиром, корректором, стенографисткой, женой и матерью.

Этот брак стал союзом людей, понимающих друг друга, взаимно доверяющих, одинаково смотрящих на вещи, единством родственных душ — достаточно взглянуть на письма Фёдора Михайловича к жене. «Я убедился, Аня, что я не только люблю тебя, но и влюблён в тебя и что ты единая моя госпожа, и это после 12 лет! Да и в самом земном смысле говоря, это тоже так, несмотря на то, что ведь, уж конечно, ты изменилась и постарела с тех пор, когда я тебя узнал ещё девятнадцати лет. Но теперь, веришь ли, ты мне нравишься и в этом смысле несравненно более чем тогда. Это бы невероятно, но это так...»

Супруги прожили 14 счастливых лет — до того дня, кода у Фёдора Михайловича случился разрыв лёгочной артерии. Перед смертью он взял жену за руку и прошептал в последний раз, что любит её. Двадцать лет Анна Сниткина провела до встречи с Достоевским. Вся оставшаяся жизнь — 14 лет рядом с ним и 37, посвященных его памяти, — была после.

Анна Григорьевна пережила четырёх царей, вступила в новый век, была современницей трёх революций, в её квартире появились электричество и телефон, она уже ездила в автомобиле и на трамвае, а в Будапеште даже прокатилась на метро. Внуки Федя и Андрей, которых наша героиня очень любила, бегали в апреле 1917 г. с няней ко дворцу М. Ф. Кшесинской смотреть Ленина...

21 июня 1918 г. Анны Достоевской не стало. Завершился путь человека, исполнившего свою жизненную задачу с честью, которой можно только позавидовать. В памяти людей она воплощает собой эталон жены гения и волшебное чудо всепоглощающей любви. Вслушайтесь в её слова: «Однажды молодой композитор привёз мне партитуру с авторским посвящением. В обмен он попросил меня написать что-либо в его альбом... Но когда я уже взялась за перо, молодой музыкант заявил мне:

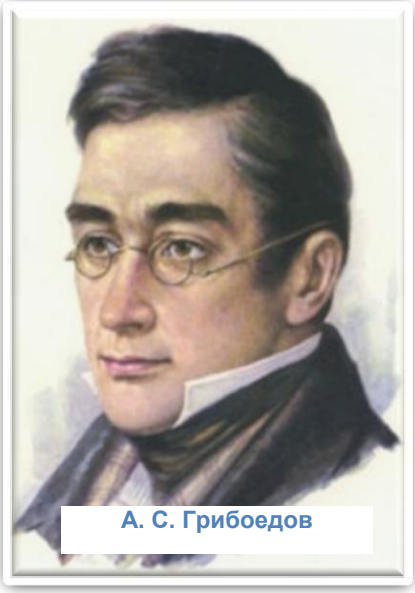
— Должен предупредить вас, Анна Григорьевна, что альбом этот посвящен исключительно солнцу. Здесь можно писать только о солнце.

И знаете, что я написала: «Солнце моей жизни — Фёдор Достоевский».

Верные супруги Анна (Е. Симонова) и Фёдор (А. Солоницын).

Кадр из фильма « 26 дней из жизни Достоевского».

АЛЕКСАНДР ГРИБОЕДОВ И НИНА ЧАВЧАВАДЗЕ


А. С. Грибоедов

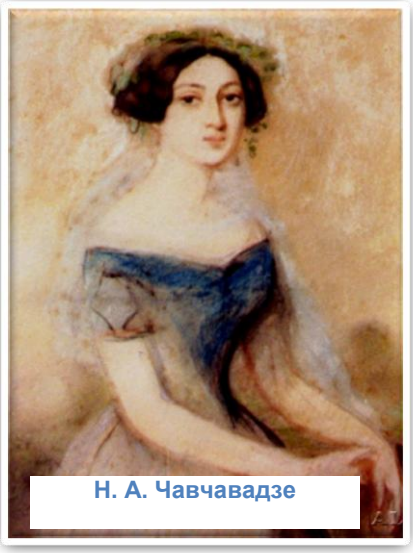
Трудно себе представить, как можно в 11 лет поступить в Московский государственный университет, да ещё и на три факультета сразу! Причём всего через два года получить диплом филолога, стать автором многих научных трудов и при этом владеть французским, немецким, английским, итальянским языками, самостоятельно изучить латинский и греческий, а впоследствии персидский, арабский, турецкий. Александр Сергеевич Грибоедов всё это смог. Он был вундеркиндом в полном смысле слова и, даже повзрослев, не растерял своих дарований.

Грибоедову прочили блестящую научную карьеру, но он круто поменял вектор жизни и пошёл в гусары. В то время он ни в чём себе не отказывал, устраивал кутежи в компании отпрысков лучших дворянских фамилий и даже слыл известным баламутом. Например, однажды верхом на лошади въехал на второй этаж здания, где проходил бал, куда его не пригласили; в другой раз проник в польский костёл во время богослужения и стал играть на органе.

Причём музицировал юноша так, что все восхитились, но в самый благостный момент внезапно перешёл на камаринскую — народную плясовую. Чтобы избавиться от чувства страха, однажды вышел на открытый холм под вражеский обстрел и простоял так под пулями живой мишенью назначенное самим себе время. Участвовал и в дуэли, в результате которой остался

с простреленным пальцем.

История любви взбалмошного юноши трогательна и поучительна. Свою будущую жену Нину Александр Сергеевич знал, когда та была ещё ребёнком. Первая их встреча состоялась в 1822 г. Отец девочки князь Александр Герсеванович Чавчавадзе был близким другом Грибоедова. Часто бывая в доме приятеля, будущий литератор стал обучать его прелестную дочку игре на фортепиано.


Н. А. Чавчавадзе

Но судьбоносным для Александра и Нины стало лето 1828 г. По пути в Персию Грибоедов сделал остановку в Тифлисе. 16 июля он обедал в доме Прасковьи Николаевны Ахвердовой. Среди гостей за столом была и крестница хозяйки Нино Чавчавадзе. Ей было неполных 16 лет, а Грибоедову — 33.

«В тот день, — вспоминал писатель, — я обедал у старинной моей приятельницы Ахвердовой, за столом сидел против Нины Чавчавадзевой... Всё на неё глядел, задумался, сердце забилось, не знаю, беспокойство ли другого рода, по службе, теперь необыкновенно важной, или что другое придало мне решительность необычайную, выходя из стола, я взял её за руку и сказал ей по-французски: «Пойдёмте со мной, мне нужно что-то сказать вам».

Она меня послушалась, как и всегда, верно, думала, что я усажу её за фортепиано... Мы... взошли в комнату, щёки у меня разгорелись, дыханье занялось, я не помню, что я начал ей бормотать, и всё живее и живее, она заплакала, засмеялась, я поцеловал её, потом к матушке её, к бабушке, к её второй матери Прасковье Николаевне Ахвердовой, нас благословили».

Когда Соня Орбелиани, давняя подруга, пыталась выведать у Нины подробности того вечера, та смущённо опустила глаза и сказала: «Не знаю, право же, не знаю! Как во сне!» Потом, спохватившись и найдя слова, добавила: «Как солнечным лучом обожгло!»

22 августа 1828 г. состоялась свадьба. В метрической книге Сионского кафедрального собора в Тифлисе была сделана запись: «Полномочный министр в Персии Его Императорского Величества статский советник и Кавалер Александр Сергеевич Грибоедов вступил в законный брак с девицею Ниною, дочерью генерал-майора князя Александра Чавчавадзева и супруги его, княгини Саломэи».

Накануне у Александра Сергеевича были жестокие приступы малярии. Один из них случился во время самого венчания. Из дрожавшей руки счастливого супруга выпало кольцо. Недоброй примете верить не хотелось...

Молодожёнов ожидала поездка в село Цинандали. Это солнечное путешествие Нина впоследствии вспоминала всю оставшуюся долгую жизнь, но уже без Александра.

Из Цинандали они отправились в Персию, к месту службы Грибоедова. В пути ночевали в шатрах на вершинах гор, где дул сильный ветер и царил зимний холод. Супруг рассказывал Нине о своей жизни, о невероятных приключениях и открытиях...

На персидской земле, в Тавризе, выяснилось, что Нина беременна. Учитывая тревожную обстановку в чужой стране, Грибоедов решил отправиться в столицу Персии на представление шаху один. Тоскуя по молодой жене, Александр купил красивую чернильницу, отделанную фарфором, и попросил гравёра сделать надпись: «Пиши мне чаще, мой ангел Ниноби. Весь твой, А. Г. 15 января 1829 г. Тегеран».

В единственном сохранившемся до наших дней послании он писал Нине за две недели до гибели: «Бесценный друг мой, жаль мне тебя, грустно без тебя, как нельзя больше. Теперь я истинно чувствую, что значит — любить! Прежде расставался со многими, к которым тоже крепко был привязан, но день, два, неделя — и тоска исчезала, теперь, чем далее от тебя, тем — хуже. Потерпим ещё несколько, ангел мой, и будем молиться Богу, чтобы нам после того никогда более не разлучаться! Скоро и искренне мы с тобой сошлись навек. Целую... Грустно».

А уже 30 января 1829 г. Александра Грибоедова, а с ним ещё несколько десятков человек растерзала толпа религиозных фанатиков, подстрекаемая настойчивостью русского посла в вопросе возвращения пленных, подданных России, на родину. Считается, что наш герой выбежал с саблей на передовую и получил сильный удар по голове, а затем был закидан камнями и изрублен. Тело его сбросили в общую яму, где уже лежала груда тел погибших...

Страшную весть о гибели мужа тщательно скрывали от беременной Нины. Её удалось перевезти из Персии в Тифлис, и уже на родине в случайном разговоре она узнала об участи, постигшей любимого. «Свыше моих сил выразить, что я тогда испытала... Переворот, происшедший в моём существе, был причиной преждевременного разрешения от бремени... Моё бедное дитя прожило только час и уже соединилось со своим несчастным отцом в том мире, где, я надеюсь, найдут место и его добродетели, и все его жестокие страдания», — писала она в марте 1829 г.

Когда законопаченный гроб с останками Грибоедова достиг Тифлиса, Нина узнала тело мужа лишь по простреленной на давней петербургской дуэли руке. Узнала — и без чувств упала

на руки матери.

С тех пор Нина Грибоедова-Чавчавадзе не выходила замуж, хотя многие добивались её сердца. Она знала, что не сможет более испытать ни к одному мужчине тех чувств, какие питала к своему Александру. Молодая вдова повсюду появлялась в трауре. На 17-м году жизни надела чёрное платье и оставалась в нём всю оставшуюся жизнь — ещё 28 лет.

Её даже стали называть «чёрной розой Тифлиса».

В 1857 г. в столице Грузии вспыхнула холера. Нина отказалась уехать из города и, ухаживая за своими родственниками, заболела сама. Ощущая дыхание смерти, она повторяла: «Погоди, скоро приду к тебе. Я исстрадалась без тебя. Мы скоро свидимся, свидимся... и я расскажу тебе обо всём. И мы уже навеки будем вместе...» И супруги воссоединились через 28 лет в мире, где нет горя и разлуки.

ИВАН И ПАНЯ ОСЬКИНЫ

Рассказанные истории относятся к XIX в. И может сложиться впечатление, что современный мир не знает примеров высоких чувств и выдающихся семей. Но это не так. Следующий эпизод нашего повествования относится к середине XX и началу XXI столетия.

Однажды в руки сельского библиотекаря попали истёртые треугольнички — фронтовые письма. Всего было восемь листов, пять из которых оказались так повреждены, что и букв на них нельзя было разглядеть. Библиотекарь с трудом разбирала бледные строчки, но продолжала старательно расшифровывать послания

с фронта. Так были восстановлены письма солдата Ивана Оськина жене, пропитанные удивительной поэзией, исполненные неподдельными любовью и нежностью.

«Паня, дорогая моя Паня! Я очень сейчас о вас думаю и сильно о вас тоскую. Когда я начинаю писать письмо, я проливаю возле этого письма много слёз... <...> Я нахожусь на самой передней линии. Противник от меня всего-навсего в 50 метрах. Сижу в окопе и пишу. Писать очень некогда. Дорогая Паня, я никак не могу о вас не думать. Я вас, Паня, не забываю, и забывать не думаю. Я решил, Паня, что я вам... не ровня. Я вас считаю лучше всех женщин, и я вас не сменяю, пусть даже будут все красивее, но я со своей стороны лучше вас никого не признаю. Мне уже в глаза говорят, что я очень свою жену люблю. А я и не отказываюсь. Говорю, что я очень свою жену люблю, и буду любить до смерти...»

Не забывал фронтовик и о своём маленьком сыне: «Паня! Я не могу тебя забыть. О себе сообщаю: жив и здоров, того и вам желаю. Я нахожусь в городе Ржеве, но не в самом городе, а в стороне, в лесу. Спим снаружи, холодно нам. Дорогая Паня, я очень о вас и о Вовочке соскучился. Дорогая моя Паня, когда будешь читать письмо, возьми Вовочку на колени и читай и рассказывай ему, что это письмо нашего папы… Ежели останусь живым, ну только каким-нибудь калекой — или руки не будет, или ноги, или глаза не будет, то вы будете согласны принять меня таким калекой? Дорогая Паня, я со своей стороны скажу — пускай бы у тебя не было бы руки или ноги, лишь бы вместе с вами жить...»

Прочитав эти строки, библиотекарь поняла, что перед ней — памятник великой любви. Чтобы сохранить это чудо, она передала письма в районный музей.

Прасковью Григорьевну Оськину, или Параню, в деревне все

знали и любили — скромная труженица, вдова солдата... Далёкую довоенную жизнь она вспоминала теперь почти как фантазию, сон. В счастье ей довелось прожить меньше года...

Мама Парани умерла при родах, когда та была совсем малышкой. Отец женился во второй раз, чтобы пятеро детей не оставались без присмотра, но мачеха падчериц недолюбливала. И маленькой Паране пришлось нянчить детишек в соседних сёлах, чтобы получать хоть какие-то деньги. Образования девочка из бедной семьи, конечно, не получила и, повзрослев, отправилась работать на стройку в подмосковные Мытищи.

В общежитии подруги рассказали Паране про парня из её родной деревни Новосёлки, который служил в военной части неподалёку. Ваню Оськина наша героиня помнила ещё по детским играм: обыкновенный мальчик — тихий и застенчивый. Но теперь она увидела перед собой красавца в форме, перед которым, ни одна девушка не могла устоять!

Когда Иван предложил ей руку и сердце, Параня была на седьмом небе от счастья. Очень скоро они расписались и пошли делать свадебные снимки. Фотограф, едва увидев молодую пару, воскликнул: «Надо же, как вы схожи! У меня глаз притёрт: вижу, вы будете много лет жить в согласии и любви...»

Семье Оськиных дали отдельную комнату в общежитии, и молодые принялись обставлять её в своём вкусе. Зимой 1941-го на свет появился их сын. Радости счастливых родителей не было предела...

А 22 июня, услышав объявление правительства о начале войны, Иван сказал: «Что же это, Паня... Не дали нам с тобой счастливыми побыть!» На следующий день его забрали на фронт.

Прасковья получила фронтовой «треугольник» самой первой в Мытищах. Читала его почтальонша, поскольку Параня так и

не выучилась грамоте. Почтальонша же писала и ответы под диктовку подруги — нехитрые рассказы о том, как молодая жена и маленький сын живут и скучают по главе семейства.

Всего Параня получила от Ивана восемь писем. Девятая весточка с фронта была страшной. Похоронка сухо сообщала: «Красноармеец Оськин Иван Васильевич 10 августа 1941 г. убит в бою за социалистическую Родину». Чуть позже стали приходить письма от боевых друзей погибшего. Они рассказывали, что в бою подо Ржевом Иван первым ринулся в атаку, и его же первого скосила вражеская пуля...

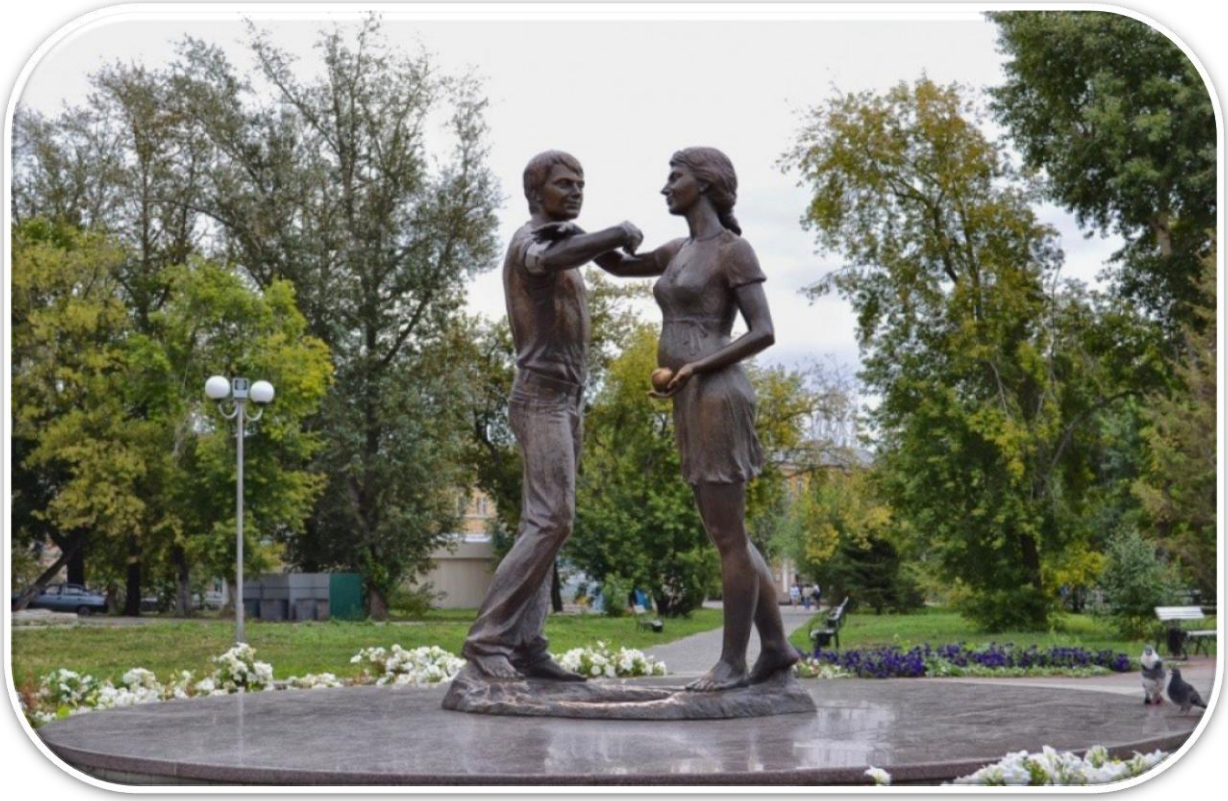
Овдовевшая Прасковья собрала свой бедный скарб, укутала Вовочку, закрыла комнату на ключ и отправилась в родные Новосёлки. Но деревня её не ждала — жить было негде. Пришлось матери с сынишкой поселиться в холодном амбаре. Позже Паня устроилась в колхоз и даже выбилась в передовики полеводческой бригады. Накопила денег на дом, старалась поднять сына на ноги. Почитать письма от Ивана уже не просила, потому что знала их наизусть и хранила дорогие листочки, завёрнутые в тряпицу, под подушкой.

70 лет Прасковья Григорьевна Оськина вспоминала и любила погибшего за Родину мужа. Вроде бы в этом нет ничего особенного. А что ещё, в сущности, остаётся солдатской вдове? Нести через жизнь глубокое, горькое чувство и надеяться на скорую встречу с любимым...

Памятники, посвященные семье, родителям и детям

«Семья у фотоаппарата» Белгород, Россия

«Молодая семья» Курган, Россия



Памятник «Семья»
в стиле дымковской игрушки Киров, Россия

«Бабушка и дедушка» Белая Калитва, Ростовская область, Россия